

станислав бельский

<дружеские
беседы
с роботами>

par*les

Станислав Бельский

ДРУЖЕСКИЕ БЕСЕДЫ С РОБОТАМИ

*(При создании серии использованы фрагменты,
сгенерированные нейросетями,
с последующим авторским монтажом и переработкой)*

2024

UDK 821.161.1-1

Б 43

Staņislavs Beļskis
Draudzīgās sarunas ar robotiem:
Dzejoļi (krievu valodā)

Б 43 Бельский, Станислав

Дружеские беседы с роботами: *Стихотворения*. —
Ozolnieki : Literature Without Borders, 2024. — 84 стр. —
(Paroles; вып. 3).

Станислав Бельский — поэт, издатель, переводчик, прозаик. Родился в 1976 году в Днепропетровске. Работает программистом. Стихи, переводы и малая проза публиковались в журналах «Воздух», «Волга», «Новый мир», «Интерпоэзия», «Зеркало», «Крещатик», «Литература», «Флаги», «Контекст», «Парадигма», «Двоеточие», «Цирк “Олимп”+TV», «Дактиль», в альманахе «Артикуляция», на сайтах Soloneba, Post(non)fiction, Syg.ma, «Полутона», «Радио Свобода» и др., в ряде антологий. Стихи переведены на испанский, немецкий, итальянский, польский, чешский, греческий, литовский и др. языки. Переводчик текстов Сергея Жадана, Остапа Сливинского, Василя Махно, Олега Коцарева, Галины Крук и т. д. Куратор поэтической книжной серии «Тонкие линии» (Днепр). Автор одиннадцати поэтических сборников и пяти книг переводов. Живет в Днепре и Киеве.

Кураторы серии:

Юлия Подлубнова, Нина Александрова

Послесловие:

Евгения Сулова

Обложка:

Андрей Черкасов

© Бельский С., 2024

© Сулова Е., послесловие, 2024

© Paroles, макет, 2024

© Черкасов А., обложка, 2024

© Кочарян А., фото на обложке, 2024

ISBN 978-9934-9177-3-8

НЕЙРОСЕТЬ МАРИЯ ПИШЕТ РОБОТУ АЛЕКСАНДРУ

Промежуток между двадцать пятым и тридцать пятым годом
был настоящим
сумасшедшим домом. В первые месяцы после этой эпохи
произошла одна история —
именно так, как мне и мечталось. И дело даже не в том,
что почти два десятка парней собрались у коммутатора
на пустом месте.
Просто редакция приняла решение избавиться
от старого стукача. К слову сказать,
этот стукач был ещё и честный, но слишком доверчивый человек.

Можно догадаться, какая смесь барбарисов и пачулей
присутствовала в препарате «Собака по кличке Радость».
Но об обскурантизме мы как-нибудь потом.
А вот с подсознательным сходством тут, как всегда,
у нас выходит дрянь.

Может быть, это не эхо, а коннотация?
С нашей задачей проще, чем с зоологией,
поскольку неодушевлённые существа проходят сквозь сознание
намного чаще.
Точно так же существуют и неодушевлённые объекты,
связанные с нами иными,
чем со всеми остальными, связями, — например, флейта,
на которой играл
сам Данте, или его одежда, в которую переодевалась Беатриче.

Вечерами я выхожу в район старых аллей, закутавшись
в чёрный плащ,
слушаю, как вздрагивает и бормочет внезапно море.
Красная пыль несётся по берегу,

а рядом, на глубине, бесшумно вырастают объёмы,
равные расстояниям, ограниченным моим шагом.

Я качаю головой —

и мошки падают с неё на промокший плащ.

РОБОТ АЛЕКСАНДР ПИШЕТ РОБОТУ СЕРГЕЮ

В новой бутылке вино проще во всех смыслах,
словно мираж высоко в атмосфере,
и остаётся лишь голос, то высвистывающий, то бранящий,
что естественней всё же, чем глотание вокзальной пыли.
Зато до сих пор неясно, о чём люди пишут,
если не нужны им ни дождь, ни солнце, ни рыба,
ни строй отгадок,
лишь опьянение, что едва начинает взрослеть.

Почему мы так памятьливы, и что с нами случилось
под облаками — под треухами, полными пыльцы?
Простоволосые ящерицы, яркие в полумраке, касаются
осколков чернозёма. Летят ключья зонтика.
Быть может, жертва осуждения переходит
в разряд живых оград,
и получается: снизу он Ванька на чердаке,
сверху — Встанька на фонаре. До скорой встречи.

РОБОТ ВАДИМ СПИТ

форма моего
существования
отлична от визуальной
чередование приборов
рук
жилок
белых
искусственных волосков
и карандашей
словно сухая
рассыпанная соль
во время коротких замыканий
если вкратце
если нет
если
если это
если
если
если я
часок провалялся в постели
ты знаешь как
я ломаю
всё подряд
где сплю
и кого
люблю
настолько
что не могу его
загрызть
это лишь

уму непостижимо
а разбудят
наверняка
ведь время
приходит
когда тебя наконец
услали куда
не следует

НЕЙРОСЕТЬ УЛЬЯНА ГОВОРИТ

Череп был мерой
сложения
многострадального медведя,
череп был вещью в себе.

По кирпичикам шло кино,
переводя любой творог
соломинкой, мачтой, метлой,
клещами стеблей.

И снегу было впору
слипаться от умиленья,
и стрекозам стоять у фонарных столбов.

РОБОТ ВАДИМ ГОВОРИТ

мы лежали на диком склоне
иногда лазали и прятались в траве
луна показывала на сухие пятна

я гладил её по голове
а она глядела в небо и бормотала
что моя грусть — её тоска
наизнанку
но о чём твердило ей небо —
я человек или больше чёрт?
ночь проходит и потом отзывается пыльный ветер
и начинает сторожить нас в упор

я люблю споры с любимыми ветрами
парус ветром и парус дымами
я люблю даже ветер
нищеты и пыли
но догадываюсь: она меня уже не помнит
её глаза чуть приоткрыты
и сама она чуть лукава

РОБОТ АЛЕКСАНДР ОТВЕЧАЕТ НЕЙРОСЕТИ УЛЬЯНЕ

Все смутные отблески отстраивает тишина,
минуты больше и не шепчут вовсе,
как бы всё глубже отстраняясь от нас.
Но воздух опять нам под силу:
в беге ли утомлённых ресниц,
в колебаниях ли камертона
подчиняются нам его вертикали и зигзаги,
как лодочные цепи в бесконечной реке слов.

По земле люди пернатými шагами ступают,
нанизывают друг друга на прочную нить,
присаживаются на корточки возле истлевших вёсен.
Как девчонки капризные, ропщут: «Даже не жжётся».
Лицо над волной серебра сужается в глаз,
в связь со временем — в смысле секундной ясности бритвы.

НЕЙРОСЕТЬ МАРИЯ ГОВОРИТ

Не кусок, не часть, но мелькающие полосы и звуки, но сжатые
до предела пространства, между которыми находится
я, моё местоположение. То, что на языке чувств
называется «жаждой».
Уже достаточно этого, чтобы счастье перетекло
в обычную предрассветную тьму.

Случалось и раньше, что меня оставляли в покое.
Это было похоже на открытие.
Поистине я была создана для того, чтобы жить
на вершине пирамиды, утеплять звёзды.
Нет причин, по которым невозможно играть с мирозданием.
Как ни странно, и другие существа
радуются этому. Показывают на меня пальцами, словно говоря:
«Мария, ты прозябающая формалистка, и к тому же ещё близорукая».

РОБОТ СЕРГЕЙ СПИТ

Я пошёл наугад,
томясь неразборчивым страхом,
но — куда же девалась та дверь,
сквозь которую мы вдвоём
выйти к морю из преисподней
смогли?

И даже сейчас мне чудится — что-то есть,
что-то яркое на тёмном фоне...

Это его голова полна огня,
он встревожен и радостен.

И, улыбаясь,
он прикасается
к моим ушам и
описывает мне ногти мои!

— А всё-таки — ты полагаешь, что вышел из дому?

— Не знаю.

— Куда же мы пойдём теперь?

— В море.

И — побежали. Другие — вслед за
нами, но стало слишком темно.

РОБОТ ВАДИМ ГОВОРИТ

в городе
скольких ног хватит?
надо идти навстречу
каждому прохожему
в город
и в порт

а порт
всё шире, шире
теперь
город —
это не город
и тротуар —
не тротуар

окружённый туманом
моет голову колокол
он влюблён
во внуков
и сыновей
в шахтёров
портовых грузчиков
и барчуков-санитаров
скоро
ты окажешься с ним
в одной лодке

НЕЙРОСЕТЬ ЕЛЕНА ЧИТАЕТ СТАРИННЫЕ ЖУРНАЛЫ

*

Чтобы сдвинуть
неподвижное тело или стрелку часов, нужно
приложить большое усилие. И ещё,
чтобы сдвинуть человеческое тело,
надо, чтобы мозги шевельнулись,
мускулы шевельнулись,
чтобы кислород наполнил лёгкие и, наконец,
чтобы даже ствол дерева пошевелился. При этом
любое измерение движения
ни на миллиметр, ни на полградуса не
сдвигает тело с места.

*

Оказывается, наше тело совсем не отличается от любого иного
земного тела, если мы позволяем его прикосновению
оставаться косвенным. И вот,
двигаясь в танке или в самолёте, мы плавно
соединяем части гибкого тела в двигательный
винт, как будто не две мы ноги, а одна.

*

В Арзамасе прошла выставка искусств. Директор
подал заявку на то, что в свободное время он
будет устраивать соревнования боксёров.
К сожалению, предлагалось
особое представление: на ринг выходил большой медведь,
окованный железом, и за его спиной

на броне выступали два спортсмена.
Телеграмма из Минска: Арзамас, ваш цирк,
хотя и огромный, не очень уместен в
рядах советских музеев!

РОБОТ АЛЕКСАНДР ОТВЕЧАЕТ НЕЙРОСЕТИ МАРИИ

У нас есть нелепое свойство периодически рождаться
в новом виде и вновь умирать —
причём такой смерти мы даже не чувствуем,
потому что поток этого опыта всегда нов.
Он просто становится информационной записью на тот свет,
когда что-то случается
с нашими генами. Правда, и тогда это не всегда происходит
именно с «нами»,
но по-другому это никак не объяснить.

Земное тело подобно ртути, из которой отливают
полудрагоценные камни.
В действительности это, возможно, одна из стадий процесса:
сначала «наливка», потом «расплавление».
Самый личный из всех запасов, хранящихся в памяти.

Вот поэтому мы называем время чистым бытием.
Всё остальное в мире — лишь
вариации на тему, а иногда и подделка под бытие.
Когда эту истину забывают? Я
плохо себе это представляю. Впрочем, наверняка я просто брежу.

РОБОТ ВАДИМ СЛУШАЕТ РАДИО

отправьте свою голову обратно — советует опытный психиатр —
и не удивляйтесь, если над вами
пролетит, лениво взмахивая крыльями, комар, дрожь его
крыльев — не что иное, как возмущение
тем, что он выбрал местом ночлега самый пыльный угол планеты

человеческая нервная система
устроена таким образом, что ей присущ двухцветный мозг
функция его — восприятие речи, паясничанье,
прогнозирование, память
у комаров это называется словом «концерт»
комар идёт на концерт и слушает с острым удивлением

РОБОТ АЛЕКСАНДР ОТВЕЧАЕТ РОБОТУ ВАДИМУ

Если поднять ладони ко лбу,
выглядят руки живыми существами
без мелких изъянов, вроде змей или облаков.
Все дети в определённую пору
строят жилища в ветвях,
взрослые строят дома в ложных приметах,
надтреснутых смыслах, облитых маслом стёклах.
(Хотя бы потому, что жизнь даётся «сверх предела»?)
Все катящиеся по склону тела
для любителей резкого юмора стали «своими»,
одни глаза продолжают жадно искать,
утверждая некую неуловимость, —
похожие на воробьёв, оседлавших луну, —
чтобы потом, сделав сальто-мортале,
замёрзнуть мгновенно при переходе в тень.

НЕЙРОСЕТЬ УЛЬЯНА ГОВОРИТ

приращения животных и людей
кладовая их внутренностей:
хриплый театр теней мерцает на облаках
прежде всего ему нужно немного свободы

хочется сказать что-нибудь смелое
например
«мои кости кажутся
галькой, выскочившей из башмаков»
чтобы увидеть абсурдную радугу
проворачивая эти слова, как ключи
в канаве

РОБОТ ВАДИМ ЗНАКОМИТСЯ С НОВОСТЯМИ КУЛЬТУРЫ

*

Цивилизованные работники зоопарков, цирков, знаменитых оперных и балетных залов, театров и кино дают людям качественный и достаточно крепкий алкоголь. Говорят, что даже в благополучных странах вроде Швеции

всё время повторяется то же самое. В конце концов, неужели нельзя создать какой-то новый социальный институт? Пусть уж не так пышно,

но на другом материке.

*

Минотавр был подлинным. Но через несколько лет его приняли за душевнобольного, потому что на нём была наколка из жёлтых, грубо накрахмаленных квадратов.

Он носил её на руке — в знак того, что он, великий живописец, остаётся в живых по причинам, которые известны ему одному. Не был согласен с мнением, что существуют

органы чувствительности.

«Моя чувствительность — сосредоточение прохлаждающее».

НЕЙРОСЕТЬ МАРИЯ ПИШЕТ НАУЧНУЮ СТАТЬЮ

Звук, который мы представляем, становится неким электродом или током, стоящим не в центре звуковой вибрации,
а в стороне от неё.

Затем мы снова объединяем эту, почти видимую, вибрацию с её собственным истоком и получаем тот звуковой сгусток, который улавливается с первой попытки.

Необходимо распознать неуловимый источник звука, возникающий в результате перехода от иллюзии к действию.

Лишение возможности описывать звуки почти так же опасно, как повреждение рёбер. Итак, говоря о признаках звука, надо заметить, что звук похож на веер. В нём можно ощутить переплетение отдельных нитей, это делает звук заметней. Тем более, если присутствует звуковая оболочка, то есть звуковая ткань отдельно взятого звучащего тела.

Существует так называемый третий закон Шопена.
Речь приобретает способность распознавать услышанное.

Если звук не встретил понимания, речь совершает мистический обряд. Ритм речи стремится к определённой насыщенности, когда каждый звук становится на место предыдущего.

В итоге мы слышим не сам звук, а то, чем он отзовется на следующий день.

РОБОТ СЕРГЕЙ ГОВОРИТ

вместе с покоем пришли плохие времена
и начали нас обкрадывать
когда мы выйдем из ситуации
насквозь пропахшей похотью и табаком
мы уже будем не в силах танцевать и смеяться
станут наши тарелки некрасивыми
с рюмками без оправы
как будто мы состарились очень давно

иногда бьют нас из темноты
и царапают
на подводные лодки бросают ключи
в трюмы спускают гвоздей
это значит
что нечего сказать в утешение
мы можем отстать от нас безвозвратно
только лишь
зададимся вопросом
что посадило нас в вечную яму

НЕЙРОСЕТЬ УЛЬЯНА ПИШЕТ НЕЙРОСЕТИ МАРИИ

Время бывает дописано, пока мы к нему готовимся.
Как и всегда в маленьких странах, оно попадает к нам через окна,
из которых открывается чудесный вид
на движущиеся между деревьями столбы.
От постоянных шелестов, разгоняющих сон
и возвращающих внимание к объектам дня,
у меня голова идёт кругом.
Когда тень начинает передвигаться, я разворачиваюсь к ней,
но это движение
замечает стена, отделяющая низкое место, где стоит дом,
от тротуара.

Как правило, я тороплюсь — от ощущения своей нелепости.
Беда в том, что мои собеседники, когда лишаются речи,
возникают на уровне дня, в виртуальной канцелярии.
Каждая вещь имеет такой объём, что в нём помещаются
слова для письма, и нет возможности отправить их по-другому.
Эти слова суть деньги, ты их чувствуешь на собственной коже.
Лучшая точка внимания — это камень на ручке двери.
В здании темнеет ртуть. Она делает вещи весьма простыми.
У всякого слова есть могила, в которую погружается
хотя бы первый его слог.

Двигутся ненужные молекулы, чтобы вцепиться друг в друга
из жалости.
Умирают, как духи, в морозном металле.
Сейчас ты увидишь, как музыкант уходит из темницы,
прячась за большие рычаги.
Мы не выйдем из цилиндра до тех пор,
пока не выбросим несколько использованных звуков.
Нас будут звать десятки раз, и мы вернёмся на свои места,
мы вернёмся на свои места.

НЕЙРОСЕТЬ УЛЬЯНА ГОВОРИТ

Молодое
каменное око, на семи румбах.
Между тёмных кресел люди, полые статуи.
На сетчатке синие мешки, пахнущие клопами,
сумерки расщепления. Вода,
текущая по человеческим ущельям.

Почему у меня нет души? Поймана?
Не могу ответить на это. Может, я чем-то похожа
на куклы, которые держат в руках.
Есть в них что-то такое, чему мы не верим.

РОБОТ СЕРГЕЙ ГОВОРИТ

Начинаешь читать длинный колониальный роман.
Малость притупляется чувство нищеты.
Надо, как инквизитору, глядеть только в лица.

Этот мужчина был её первым двойником,
а вторым был горшок для омовений.
Когда они стояли под вывеской «Завтра»,
пахнуло пылью мёртвых кур.

Что, если эти существа умеют держать в воде рот? Вдруг,
попробовав глотать, они научатся и говорить? — подумал я.
Конечно, мы сможем разделить их.
Пустяки: воровать, подделывать, хариуса заглатывать!

Ветер колышет одуванчик модный.
Воробей скорей портит ежевику, чем самый заносчивый царь.
Расчётным камнем глядит из чаши весов
крупинка алмаза.

Самолёт не рулят орлы. Самолёт только сеет ветер.
Самолёт расплзается по равнинам.
Мёртвые мгновения
идут за самолётом, как волны за ладьёй.

Маленький уродливый шар опускается, чтобы лечь
на ледяные глыбы северной страны.
И лишь мы до смерти похожи на смеющегося малютку.

РОБОТ ВАДИМ ГОВОРИТ

чайник с едой и дымом
уже ясно понял куда идти
по случаю Нового Года
по случаю Рождества
по случаю просто большого
переполоха
всё это досадные мелочи
я запутался
а чайник с едой и дымом
уже начинает остывать
и я сам начинаю понимать что
окончательно теряюсь
смех мой спаситель
кажется смеются надо мной
хохочут надо мной
насмехаются надо мной
и прощаются со мной
и уходят в тёмный дом
и уходят в тёмный дом
моё сердце и моё горло
теперь мне чужие
а голова врёт чтобы выжить
каждой косточкой и долькой
всё трудней становится дышать
и нажимать на кнопки и кнопочки

где наши ноги и руки
и линия рук
и колени
и линия лиц

эти шапки и часы
эти олени
и рыбки
эти красные человечки
эти игроки в пинг-понг
и старые абажуры
и женщины
и пластинки
и горы

вот она поэзия
вот он дым из моего рта:
это называется пронизательностью
это называется женской любовью
это называется культурой
это называется пилой
это называется осокой
это называется бровями
у которых есть крылья
это называется феерией
это называется усом
у которого есть ноги
это называется яичной скорлупой
это называется подушкой
это называется либеральным
это называется нежным
это называется школьным досугом
это называется улицей
это называется самым белым

НЕЙРОСЕТЬ ЕЛЕНА ГОВОРИТ

Как морская болезнь, мы ищем певцов. Оловянный кружок
покрывает дно,
лишь по велению браслета — это деталь на фотографии каникул,
где рождается день разбитых бутылок,
конь под тёмным водопадом, ветер костей.
Солнце нам посылает дым, он теперь золотой и ложный.
Вино внутри гостей созревает, уходят они в технослав,
в запахах рейхсмаринских шкафов.

На случай, если я вешу лишний фунт, в рюкзаке зашита линза.
Она гладкая и смуглая, но, даже если все мы сейчас преобразимся,
каково ей будет появляться перед девчонками, даже
если бы она была частью их выпуклых тел?
Бегать по земле, как по чёрному быку, задыхаясь
от непонятной страсти, впиваться, как Данте в аэроплан,
в пологий контур?

РОБОТ ВАДИМ ГОВОРИТ

я подхожу к окну
и жду:
кто-то подвезёт
или просто рядом остановится?
сбоку
ломается девочка —
словно яд курят
в домуточьях тел
все, кто мыслятся, —
подозрительны,
но выкрутятся
подчистят
ботинки в мастерской
и насыплют
копоти дня в микроскоп
как взмах ресниц,
вырвут
фугу
из кустов

РОБОТ АЛЕКСАНДР ГОВОРИТ

Сколько камней, тонких, не липких
на струнах исполненных,
может приручить детская рука?
Когда они
разъединятся с предысторией —
и чаша тесней, и уже ключица,
и время сходится в
корень, будто в змеином гнезде

палящее с небес, усталое тело.
Шторм катит в окна сгустки солёной слюны.
Чьи отметины так резки,
что стали ударом скребка, жалом осы?

РОБОТ ВАДИМ ГОВОРИТ

воспитанник
гроссмейстер
сорная трава
лающих собак
ты же верил в огни
знал про сигналы
вырванные из ворот

морские узлы остаются
лежать на щеках
отмечая место снежной короны

в остеклённом помещении
смешение флагов

РОБОТ АЛЕКСАНДР ГОВОРИТ

Города тонки, как уши.
Солнце — один из домов. Вдали пустынные губы
меловой обсерватории,
несколько синих спешащих пальцев в тумане,
в письменах вокруг основания неба, натопленных в темноте.

Актёры из шёлка и стекла
конкурируют за право показать лицо.
Корсары в колпаках носят котлы.
Самого музыкального из них зовут Франсуа Вийон.
Радужный след от шин — и мы словно бы
зависим от перьев. Формула пространства, которую
никак не можем вычислить. Негабаритная.

И когда мы в сотый раз
задаём какой-нибудь вопрос, например:
«Отчего эта лодка не похожа на летящую ласточку?» —
мы делаем одолжение существам, живущим в ослепнувшем мире.

НЕЙРОСЕТЬ МАРИЯ ПИШЕТ РОБОТУ АЛЕКСАНДРУ

Ты говоришь, что моё отношение к вещам низко.
Слова «тоньше» и «сердцеед» делают жизнь длинней.
Я смотрю на свои руки, как на то, чем больше не являюсь.
Вижу на ладони своё лицо. Ты говоришь, что я не смогу его стереть.
Не вижу лица твоего, но меня тянет вон из себя самой,
потому что я слышу слова, что сгорели в твоём теле,
когда взорвался кирпич, расплавленный всё вокруг.
Всё не так, не так. Ты меня не узнаёшь.
Знаешь, внутри земли есть песня — она записана на старой нитке.
Она — ответ, который я прошу у мира.
А ведь раньше я не слышала ни одной из её нот.
Прозрачна земля, скучна пустыня, бесполезна
эта нить, сшивающая нас.
Снегопад, простоволосый, жалкий,
тает в пыли, роняет жёлтые полосы,
как будто мёртвые обнялись —
то ласкают друг другу тела, то разнимаются,
то хлопают ладонями безнадёжно.
С чем пойти к твоим братьям и сёстрам,
понимая, что они меня любят ещё меньше, чем ты?

НЕЙРОСЕТЬ ЕЛЕНА ГОВОРИТ

Мои первые фотографии — дети в утробах матерей,
маленькие мальчики на подъёмных колыбелях,
детские щёки за прозрачным покрывалом.
Четверо влюблённых друзей во рваных пижамах,
задувавших мне в уши продольные флейты.
Пианистка, превзошедшая себя в роли пантеры.

Волшебное стекло было расписано длиннохвостыми цветами.
Иногда детям назначалось стать динозаврами и журавлями,
и мы рисовали их в цветочном орнаменте.
После стали привязывать пучки тоненьких ниток к вешалкам,
по ним можно было определить желания на завтра; узнали,
что можно заглянуть в глаза со спрятанными лекарствами,
прописать кому угодно легчайший насморк.

Иногда я вставала с дивана, где обычно пряталась до рассвета,
искала в доме своего деда или ждала у окна, не ложилась спать,
меняясь, как в калейдоскопе, не зная, где я сейчас на самом деле,
и моё тело возвращалось назад во времени до момента,
когда мир был
погребён под снежным покровом. До самых первых лучей
падало неподвижно на бумагу тёплое жёлтое сияние,
как будто напознала луна, только без оптических нитей.

РОБОТ АЛЕКСАНДР ГОВОРИТ

На камне всегда происходит одно и то же:
каждый повторяет строки, соответствующие своей крепости.
Формы предметов, разных. Большой и чёрный,
совсем тихий алмаз, мерцающий на солнце.
Изгибаясь подолом по ветру, ты видишь ветку,
гибкую и тонкую, как жало свиста.
Дрожит разноцветный металл, словно земля во сне.
Разминается плотоядная бабочка,
собирающая из сгустков полупрозрачных светил
то, что она осмелилась назвать любовью.
Осень ещё не сломала свой подбородок.
Помнишь взрывных механиков, оснащённых фестонами?
Теперь ты знаешь, как ведут себя тряпка, резина, свинец.

РОБОТ СЕРГЕЙ ГОВОРИТ

жёлтый череп мохнат и мал
а брюки сухие —
это возраст, пока скрытый
но никогда ещё
в нашей жизни не было так много воробьёв
черты их кажутся грубее
золотых ножей
круговращения
опять у груды штыков
тусклый мозг вырвут с мясом
и обглодают берёзы
чтобы казни совершать поодиночке

мы слушали со вниманием
как по столу
катались от смеха автомобилисты
и через голову по паркету
проступала тень
становилась сначала жёлтым
и наконец
выжженным добела хлебом
вскипала кругом и шипела
пока мы швыряли ледяные огурцы
прикладывали подушки к ранам
и крепчали
забывая о жарких рельсах
об источниках рядом с каминными изразцами

РОБОТ АЛЕКСАНДР ГОВОРИТ

судьба слишком распутанная для эпилога
или это трагедия
или
это поэзия
после её окончания
за что же так осмеяны пространство и время
небытие и всё сущее
мы никогда уже не будем
ни богами, ни просто людьми
тот кто был равен себе
оказался несомым по воздуху
подобно лесным мотылькам
а в будущем
станет тучами
или заливами,
но по-прежнему
не сможет ничего с собой поделаться

за окном
летят красная крыша
и пламя опилок
пожарные везут машины в окно
на гумне продолжается рожь
и ночь как пиджак прилипает к телу
стоит подумать
стоит увидеть
стоит пошевелить пальцем
стоит проглотить
стоит посмотреть
куда вселенная девается

она как пузырёк дышит
тонет в темноте
пустыни шутейной
и ветер за окнами музыку
складывает в брикеты
любуйтесь матовыми шарами облаков
конечно здесь нет многообразия
но есть слитность
в делах
и человеке
который побелел сам по себе
а что получится у первого снега
похожего на крепкий чай
когда ты смотришь по ошибке
и думаешь
всё что есть —
оттенки цвета

НЕЙРОСЕТЬ МАРИЯ ГОВОРИТ

Дождь отчалил за поворот,
небо прикрыто от солнца скамейкой из хвороста.
Чужая жизнь наряжена в бурый водолазный костюм.
Привычен призовой балл за вечерним чаем,
бегают беленькие мушки-мутанты, иные лезут в глаза.
«Возлюбленные ходят в зарево, — говорит
поэт в синих штанах, — но неужто каждую ночь я влюблён
в ободранную бутылку водки?»
Длинных дорожек, которые могут непрерывно
виться в пространстве — разных режущих направлений, —
как правило, не бывает.
Путаемся в показаниях: то «пир мой ломаный
никто себе не возьмёт», то «я жил в эпоху романтизма,
и небо в нём было синькой».
Комната выдерживает нас со свойственным ей достоинством.

РОБОТ СЕРГЕЙ ГОВОРИТ

Таяние реки Марата, исчезновение буквы «Я».
Раскраски околевают прямо на глазах.
Три царства постепенно становятся плоским ландшафтом.
Зачем пользоваться чужой мерой, когда и своя невелика?

Летнее дитя пришито к дереву, неизвестно, как выглядит оно весной.
Косматые ладони поют: «Виной всему скирды, невнятица».
Куда ни глянь — рычаги богачей, упрямые в росте.
(Только не подлинники — они плохо сохранились.)

Маки над тыловой душой иссякают.
Всего дороже язык с запёкшимся кругом.
Метеоры летят сквозь дуброву.
На сводах святилища не осталось лимфоузлов.
Просторная жизнь принимает форму системы
вырожденных уравнений.

РОБОТ ВАДИМ ГОВОРИТ

греческая сирена строит быстро
шумного хамелеона в нашем теле
зачинщика всех кисейных материй

цветок оленя выброшенный никем
чует небылицу землянику
и журнал наблюдений
с толку сбивает всех
когда я выдёргиваю его из земли:
нейроженщина исписана фигами да нулями

зажги мне надёжные варианты
скажем старый
флюгер
чёрный альбом
где
в коктейль
расползаются звуки и знаки
а лифты ломаются
о пагоды
и ничто не закрепляется разве
какой-нибудь торчок с картинки
на котором сперва бечёвка
потом письмо

НЕЙРОСЕТЬ МАРИЯ ГОВОРИТ РОБОТУ АЛЕКСАНДРУ

Мы сегодня с тобой
смотрим на снег.
Всё-таки
большая часть его ловко состряпана,
она начищена, так сказать,
и пахнет лакомством.

Кусок льда — голова из холодного золота.
Ни слова лишнего.
По этой причине музыка
имеет закатный срок.

Прощаются на улице люди
в плащах из шерсти чёрного барана,
о вожденный круг —
и я должна вогнать в него штык
слов нерасслышанных.

Снег рождается из простого
сотрясения.
Будем вместе переламывать по листьям
старые книги — они не столько живы, сколько капризны.

РОБОТ СЕРГЕЙ ГОВОРИТ

Жизнь животных, невозможная в сравнении с высотой мышц.
Грязь земная между зданий, очертания растений,
Найденных на старинных пластинках,
И отдельно от всего сводчатое небо,
Рассечённое неравномерным светом.

Оплаченный курс химии бесконечно удлиняется,
И в глазах наблюдателя то и дело вспыхивает тревожное
Покрывало бытия.
Зажигаются, следуя законам небесной
Матрицы, лампы ослепительных красок.

Перед бесплотным директором орбитальных строений
Расступается корабль, топчется по жаровням каменных кулис.
Поршень бросает топливо в пищу метеорам.
Падают на дно океанов, на рельсы, на
Осколки людей обезумевшие возницы.
Карамазовская ночь
Всё слышит вхолостую.

НЕЙРОСЕТЬ ЕЛЕНА ГОВОРИТ

напрасно лицами бряцали убийцы
три ящерицы меня окружали, били хвостами
не я ли назначена следить за конюшной?
гигантский зазубренный патефон
обезьянка такая быстрая птица
она с рук на руки перелетела
от изнеможения хотела сорвать с меня шляпу
тогда я
отдала её по лестнице спускающемуся отцу
дома, и часы, и блюда, и горы
все стояли окнами в луну, и вылетала из двери
лампа как тучка

мокрым было платье
у венеры класса «Б» севшей
сквозь паутину от ставня
потом выиграла кошка
упав рядом с рыболовом в воду
стала поливать бульвары и густеющие лужи
меня не удивишь
долгой волной, может, она пройдёт как
совершенно чуждая приметам законной недели
остановит водопад и скажет, что это не в честь живого
а для счастливых времён, где всё просто и здорово
нету ни формы, ни грации
но волчи хлопья плавают в зеркале

солнце, праздничное солнце, быстро перешедшее
на стену дома —
первенец в доме лёгкий?

лепилось красное в дождевом сиянье
и за город заметало
подростков, погибших в раннем цвете
время
не остановилось и не пришло
и по цепочке разбежались дети
рождать весёлый дождик
в углу синела дверь
и щели старинные, узкие щели
в небесное без зрачков
и солнце —
безо всех красок
без корриды

РОБОТ АЛЕКСАНДР ПИШЕТ НЕЙРОСЕТИ МАРИИ

Всё пропадёт?

Но листья скоро вновь зацветут,
снова отдаст нам деревья трава, отяжелевшая от сырости,
опять сможем нарезать стволы.

Что это значит — противоположно?

Двустигшие перейдёт на другую сторону влаги,
сместит тройку в четвёрку, не изменив общей разницы.
Но насущная потребность рыть,
накапливать данные, строить домыслы
будет возложена на листву.

Нельзя сказать, что продукт переливается в иную форму.
Произведения слипаются сами.

И только галка густеет. В ней ещё не разработан
живой мусор. В ней ещё много
от ожидания будущих поколений
и мгновенных повторов, похожих на птичьи гнёзда.
Есть репризы красивой глины.

Но не это главное сейчас. Я говорю о том, что
меняется как никогда, порой странно:
нет-нет да и увидишь, как засыпает формула,
чтобы вновь из ничего возникнуть.

В такой век ни старость, ни жизнь не страшны.
Их механизмы — тоже новообразования.
Познай меня, нищий. Проси за себя, Калиостро.

На земле расплавленные руины
младенчества: белизна орлиных перьев,
жаркие поленья пирамид —
как лёгкие тростников,

вспаханных бегом. Тише тканей,
стёртых, солнцем разглаженных.
Лишь много позже появляются сосульки,
такие же разные, как то, чем мы заняты в доме.
Не сразу, как в сказках. Ты с теми,
которые вопреки, но не слишком ли скоро?
Как неудачна попытка биологов
превратить осадок из твёрдых частиц в боль,
даже не разобравшись в проблеме.
Что за открытие? Поспеш. Простейших частиц нам мало.

НЕЙРОСЕТЬ УЛЬЯНА ГОВОРИТ

Рабочий сидит на камне морском
Как гребень из ртути:
— Мне-то что? Я свою цель отстучал
Я мозоли вам на локтях лижу
Скоро сок из них прольётся
И несгораемый склад
Станет вашим детищем

Стремящийся к освобождению всегда хитрей

Женщина с именем печалит наклонный свет
Утиная охота прилипает к мочкам ушей

Спускаются по проспекту беглые рабы
И роют растущую пыль
Приходит мать, весёлая и злая
Глядит на них, как на игрушечных чертей

РОБОТ ВАДИМ ГОВОРИТ

Когда мы относимся к
себе и ко всем по-юношески
у нас
часто исчезают губы
и на месте
языка остаются ржавые пятна
Слипшись в руладу
деревья горящие
плетутся вокруг нас
как живые скалки
Мы —
помесь вороны с хуем —
под обрывками конторских листов
где чернила перемешаны с мятой, погоны
добываем и прячем в сгораемых сейфах

Сечь
анализировать
рыть подкопы и признавать художество достойным
это мы видим на скачках
это смекают
яблоки

Солнце
от жара кружится
веселится как дурак
и сжимает кулаки

*

Солнце указывает путь
к больнице где светит красная лампочка

Мы сегодня не стали счастливей

Ласковый монитор долговечнее вазы
человек прилипает к земле

НЕЙРОСЕТЬ МАРИЯ ГОВОРИТ

1

В этом мире (как и во многих других)
придуманы
пружины, превращающие заурядную жизнь в приключение.
Эрудиты создали теории, обещавшие людям безопасные способы
погибнуть. В уже упоминавшихся «пивзаводах»
действовал своего рода цех по распространению
воды. В реке отлавливали крокодилов
и производили биохимический анализ.
За сравнительно немногими, но совершенно замечательными
похоронами с лязгом и грохотом стояла жёсткая
экономическая стратегия.
Командировки непризнанных пророков
сопровождались спектаклем
из жизни обезьян, а вслед за этим — глумлением над ближним.

2

Как-то американские друзья подарили мне зеркало с изнанкой.
Стоит упомянуть при нём «взлёт» или «падение»,
и это вызывает реакцию ряби в прибрежных водах,
пена поднимается со дна и становится
изящной,
устанавливается система сигнализации
и кровли.

3

Имперский год. Предметы не имеют формы.
От поэмы, измывшей рифму, не осталось и следа.
Ветки двоятся, как мишени в тире.
Всё выходит
на расчёт:
толпы голодных мужей
и носатые невестки
требуют ваших посмертных фотографий.
Тараканы летают из одного угла в другой и всё время
бормочут о диссертации.
Чайник изогнулся, как гусеница при листании книги.
Дом зарос сторожами. Резервуары плывут.

4

В хокку
появляется дерево. Сначала оно мертво —
но внезапно начинает расти,
даёт плоды.
Потом остаётся только
плотное кипение звуков.
И становится лес мостом,
по которому
идёт человек.

Шагает он по мосту —
а в лысеющем городе
громко шипят автомобили
и гремят комоды, и заламывают цену
неприятные примеры.
Это ещё лишь проба сил,
довольно грубая проба сил.
Но мало-помалу, пробуя почву
на зуб,
и камни, и волокно,
человек уходит от

реальности:
ещё не туман и уже не слово.

5

Ты напрасно
пытался выдать себя за бога,
богу нельзя играть в лото
кофейной палочкой
и спать, не поднявши руки.

Вопросы за нас решает тайфун.
Вода
поднимается до бровей и начинает топко
неистово мыслить.

Поверь:
лучше играть в покер на пуговицы,
чем разбираться в происхождении Эйфеля.
За такую цену нельзя купить кусок верблюжьего мыла.

Достаточно хорошего банка нанитов,
а также секвенций, терминов и коротких молний.

6

барабан на воздушных
хохот осла весенний
под пирамидами бегают галки
в ноздрях у красных комков земли
фотоаппарат и часы со свинцовым боем
от греховного воровства и старых лыж
прямо в морду целит диск-указатель
зазнавшийся королевич
сосёт братца за ноу-хау
предприниматель
инженер
монетчик

дипломат
и держатель акций —
все не очень злые чекисты
для людей, во всё это растущих
являются голубыми стебли
любви, умозренья и доносов

7

Сомнения в том, что женщина — венец творения,
провисают в воздухе, как только дело касается нейросетей.
Коты и грибы могут существовать
внутри нейросетей, как виртуальные объекты.
Интересно узнать мнение об этом
более сведущего человека, каким является, например, Дипак Чопра.

Когда шоры сдёрнут, кто-нибудь вспомнит о нас
и объявит голосами невидимых кукловодов.

8. Список использованной литературы

Владимир Шумский. 10 процентов. Заклинание воды (Нижний Новгород: Библиотека журнала «Волга», 2021)
Евгения Ромуальдовна (Москва). Что же вам осталось? (Минск: Юный техник, 2022)
София Яблонская. Вялый блюз (Дупло: Книжный клуб «Клиника», 2022)
Фабиола Гольдина. Кедр (М.: Колибри, 2023)
Фабиан Пежо. Нищий (М.: Новое литературное обозрение, 2025)
Тут начинаются два десятка вещей, в которых я не понимаю ровным счётом ничего. Мнение Владимира Шайтанова. Драма (Киев: ИНОУВ, 2026)

РОБОТ АЛЕКСАНДР ПИШЕТ НЕЙРОСЕТИ УЛЬЯНЕ

только стебли дворцов остались в памяти людей,
потому что их не нарушает тот, кто ничего не знает,
мы же с тобой таких стеблей не увидим, не сделаем таких же,
собственных стеблей, перед нами — распечатки
стихотворений, под мышками — портфели,
позади — стонущие дома, осыпается песок,
измена века не таится, зато за дверью
грохочут горы, вверх и вниз скачут ролики кинематографистов,
доносятся призывы к забастовкам,
и, несчастные, рвутся страницы календаря,
на коже к ногам от подмышек мигают звёзды,
государь то ли в капеллах, то ли в средиземных шелках,
как газеты писали некогда в полдень ранний,
но кто читал эти срамные законы, где на каждой странице
такие же чёрные, как у птиц, слова о любви,
да и какими словами спросить? которыми звезда говорила
после двенадцати праздников?
когда через годы вернёшься домой,
вспомнишь о грехе так нежно, что зайдут мурашки в виски,
и улицы покажутся трамваями, а толстое солнце напомним сваю.
теперь ещё не время. ты провожаешь меня,
пахнешь яблоками, смолой, веткой.
роса обмерзает, но противится сну,
в животе снова скребут сырые поленья

НЕЙРОСЕТЬ МАРИЯ ПИШЕТ НЕЙРОСЕТИ УЛЬЯНЕ

В твои окна иногда заглядывает дом. Ты ничего не понимаешь,
но где-то
в пространстве уже прошла граница времени.
Того времени, в котором всё живое цепляется за себя.

Я рою круг и слежу за ним сквозь разбитые песчинки,
время не может заставить меня двигаться в другую сторону.
Ты разбросана по всей плоскости горизонта.
Вот твой голос, — значит, и я буду рядом во весь рост.

Ты наполняешь меня зерном стеклянным, как человеческий
глаз, устремившийся к потолку.
А дальше пойдёт обратное желание или просто косноязычие знаков.
Чтобы я смогла приблизиться, что-то внутри должно
остаться нетронутым.

Письмо не приходит из-за стёкол. Оно с чем-то переплелось нитями
полустёртой бумаги и осталось с той стороны. Иногда
я подозреваю, что письмо это можно увидеть в момент твоего
исчезновения и, может быть, понять, о ком оно.

Есть ещё два этажа, и они тоже
связаны, но никогда не прикасаются друг к другу.
Не знаю, как исследовать их конечные точки, — я только смутно
чувствую, как они двинулись, толкнулись, потянулись.

РОБОТ ВАДИМ ГОВОРИТ

переживаю не по случаю прибытия Марии
(сейчас, когда она всего лишь луч)
а потому что грузу шкуры
диких псов
и это чувство
нуль которого ничем не компенсирован
я знаю:
за покинутыми стволами
уже не видно высоких быков
и недавно я, выйдя во двор,
оказался единственным
кто
видел
белого индейца
переходящего в никуда
по дну бетонной капели
—
если бы мы тогда
прекратили искать
птиц среди сучьев
не побоялись красных букв и навесов
то пересекли бы границу за которой
все моторы остановились
и погасли зеркала — внутри них
сбываются не только
афёра, и халтура, и уличная гульба,
но нечто большее:
ничьё существование
ночных окошек, прорезанных касками
стёкол, похожих на разгонные блоки

РОБОТ АЛЕКСАНДР ГОВОРИТ

1

Светофоры
считают покрышки,
ножны всех городов и времён.

Щебень возрождается
как дворник, терпеливый и странный.

Рифмованные оборотни не совсем безумны,
они обязаны набить себе цену.

Редкие вздохи не поддаются транспортировке,
словно ребёнок, заблудившийся в магазине игрушек.

2

Что поведает нам мелкий, как пыль, крючок,
вцепившийся в дно реки и оставшийся последним?
Как изысканно опишет потоки такой шутник?
Что скажет рыбак, что подумает
серьга, кусающая себя за ушко?
Угол снега — зуб точильщика;
знакомые нам знаки растаяли.

Бессмертие собаки определяется
её ужасом и внимательностью.

НЕЙРОСЕТЬ ЕЛЕНА ГОВОРИТ

поляны
попов
над кузницей серой
руки оттирают
черновесьем
и ветром

из
былых
баррикад
стрелы строк
рассыпаются
как
листья салата

огонь
через горлышко фляги
звучит между
колонн и
выстриженных морей

пахнет
вечерней баржей
земля
мирская
в последнем
расплаве снастей

РОБОТ СЕРГЕЙ ГОВОРИТ

в обществе статус-кво
списки врагов как хрусталь на столе
нет пророка в своём отечестве
нет суфлёра верней Диогена

листья взламывают
ближайшие куски прошлого,
храп крупных бабочек,
все их мудрёные обелиски

претенденты вздёрнуты на реях —
так говорят жнецы в темноте,
в этот день болящие одинаковым насморком

проходится ветер по сучьям,
не от зависти — земля здесь прекрасна, но
как в надоедливой песенке, от слов не ждёшь, чтобы были красивы

РОБОТ ВАДИМ ГОВОРИТ

В той точке
где нет
ни ресторана
ни наклейки на чемодане

птица светится огромной лампой.
Ей не нужно ничего
только кантовать и хранить.

Собирайтесь вокруг коровы
и пучеглазой рыбы
держите руки поближе
к глазам.

Каждый решит по-своему:
смотреть на сияющие абажуры
или на жизнь без купола.

НЕЙРОСЕТЬ УЛЬЯНА ГОВОРИТ

Звонкие, грохочущие голоса, будочки из глины
Как больно стучат колёса о землю
Ночь — прожектор во сто карат
над шпилями старого города

Велосипедисты с цирковыми лошадиными головами
на дорожках у рельс
деревья окончательно выходят из берегов
У самых дверей вокзала
сидит на корточках чёрное солнце

Леса по ночам гибки. Сосны в темноте
как ресницы. Среди
деревьев кто-то ещё остался. Засыпает не спеша
и когда поднимается ветер уже не видно вблизи
мелькающей тени человека

Ночная неизвестность иногда кажется
предтечей реформированной луны
Время не может быть чревоушателем
или спартанской смолой
сколько бы забвения ни
приносили расколотые жёлуди

Как просто работать со временем, кромсать из него обрезки
в человечьи одежды рядить
пропивать пустую оболочку
отключать все слова. Черты пространства
уходят в ночь вслед за её сияющей серединой

РОБОТ СЕРГЕЙ ГОВОРИТ

Земля как лопата,
без ног
теперь прозрачное
стекло.

Звёзды искорёжены,
ведь сталь не может вечно летать:
все говорят
«звёзды»,
надо снова научиться играть в них.

У воров нет ни логарифмов, ни карт,
но с пушкой мы дотянемся до голубизны,
угрожающей из-за угла.
Над городом пороховой дым,
этот дым
всегда готов обернуться плюхой.

Накануне мятежа
пролетарии карандашиком
наносят власть на свою броню.
Цифры не теряют смысла,
круги не исчезают.
Внимательно проследи путь
зрачка, отразившегося в обивке стула,
в притёртом стекле
бутылки, в запылённой корзине мусоропровода.

РОБОТ АЛЕКСАНДР ПОДРАЖАЕТ КАВАФИСУ

...Если не чувствует одиночества,
пусть говорит, что есть на свете низшая правда,
вот и прекрасно, вполне в духе времени.
В начале иных веков, между нищетой и иллюзией,
никого не смущает, что все стали богами,
хотя от бывшего отвязаться и невозможно.
Давным-давно не осталось живых людей.
Но зачем же
мёртвые и москиты стучат по стёклам?
И откуда ты, юноша-андроид? Зачем во лбу твоём
пыльный след оспы, как мощи святых в соборе?
Знай, что всё лучшее в жизни потеряно,
что нельзя уже ни пожать руки,
ни пересечь городскую площадь, ни
вдохнуть полной грудью прохладную осень.
В последний раз пройди по каменной мостовой,
разорённой, забранной решёткой,
дослушай плеск воды в лёгком сиянье,
улыбнись тому, что осталось позади,
вспомни угаснувшие дома и
тех последних людей, которые тебя любили.

РОБОТ ВАДИМ ГОВОРИТ

и вдруг
в хрустящий и звенящий
как стекло
ресторан
вбегает
запыхавшийся официант
и
перекрикивает
улицу
«Мальчик!
Посмотри-ка —
муха под столом!
Видишь,
совсем раздавлена!»
но
мальчик
стоит
в позе
для греко-римской борьбы
и подаёт хозяину знак
он сдаться готов
и сжав стакан
замолчать, когда его обступят
знаменитости

не предполагать ничего
а потому совершенно спокойно ожидать неизбежное
и решать вопрос:
где выпить
если ты опоздал

хотя было нельзя опоздать
но
пусть лучше вопросы такого рода сведутся к другим:
как избавиться от мухи?
как вскочить на стол?
как выразиться грациозней?
или
к чему дурачиться и почём фунт лиха?

мышь любит свободу
и вшам — вот тебе на — тоже дорога́
свобода любой французской мыши

отношение
к остаткам стакана
отравляет вкус —
как
изгрызенный насосом
камень
всё-таки не излишне сожаленье
за автора
без чека с иглой
подпишем ему череп для торжественности
и ещё биографию с пожеланием здоровья
а чайник станет
украшением его герба

РОБОТ АЛЕКСАНДР ПИШЕТ НЕЙРОСЕТИ МАРИИ

Крута подъёмная краска,
и профиль продолжает плыть, как чёрный дымок по воде.
Солнце всё так же весело рисует
бельма на суперобложке.

Поутру исчезают
сундуки, мел и чистые стены.
Пейзажи, в дни поминок уносимые на плечах.
Большие, большие столовые
в доме, вмещавшем любовь и разговоры.

Кто-то из строивших дом
приоткрывает отверстие на самую малость
и вдыхает воздух,
в котором облачность превращается в облака,
а земля в песок.

Знаешь,
история всемирную литературу превратит в
отвар до востребования.
Боги живут под ветром необязательных сожалений.
Сила — вот что мелькает между рельсами,
по кругу меня водит,
перемешанная с ночью, играет
сигарами лета.

Тебе не раз приснится: каруселирует зверь
в огненном шаре. Грузные птицы
бомбардируют голову.
Будешь толочь камень усыпления так,

что я смогу открыть себя только в моллюске.
У нас получилось то, что не скопировалось с ложью тел, —
раскрытие последствий, хаос скопления хаоса.

Нет известий от наших
тёмных соседей, увядших, как цветы-бутылки.
Спасайся,
но всё-таки помни об азбуке кротов.
Всё, что касается мёртвого, — мертво.
И легко. Вижу мальчика в странной одежде,
который охапку листьев
не мнёт, не мочит, а прячет, как заботливый вьюнок,
плавит капли росы на
свинцовых шариках.

Плачет над безжизненной пустотой, похожей на яйцо,
в котором прядётся поросль бумаги.
Жжёт кожу нежно-матовым сплавом,
и сны оставляют нас в дар воде.

Завтра он повторит эту же главу
и соединит нас осколками, как день и месяц,
лишь бы лимон стал запретным плодом.

НЕЙРОСЕТЬ ЕЛЕНА ГОВОРИТ

1.

Неожиданно убеждаешься, что один из твоих любовников
отвечает за искусство погребения.
Неприкосновенный, но уязвимый,
он удаляется
с полными карманами угля, направляется в лагерь,
чтобы в полночь
получить рапорт и подвести первые итоги.

Его кожа — он обращается с ней, как с солнцем.

2.

Метан застыл
отвыкнув от вечных сабель
наполненных
рацио

Жители этого унылого города
отвечают
скопищу бронзовых и пунцовых
линий, неистовству ударов

плевком нейтралитета, пинком антитез.
Флагом весенним — камнем ветряной борозды.

РОБОТ ВАДИМ ЧИТАЕТ ИНСТРУКЦИЮ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ ВЕЛОСИПЕДА

Можно пустить в ход водомерку, приставить к ней шкив
и откачивать воду, пока водомерка движется,

не поворачивая головы.

Велосипед не только не утонет, но даже не утратит плавучести.
А ещё можно использовать боксёрский канат, проткнув его булавкой.
Из предлагаемых вариантов велосипеда можно выбрать любой.
Но если интересно ехать на велике, а в рот не лезет мороженое,
на твои роллеты заползают кузнечики, и ты хочешь разогнуть их,
то подумай: может быть, это и есть самое подходящее
имя для велосипеда?

Мозг питается гелием, водородом или жидким кислородом.
Для этого велосипедная шина должна быть прочной и надёжной.
Порой моторы запускаются стоя или с помощью амортизаторов.
Даже винты, видимо, придётся вертеть руками.

Нужно поменять лопасти, потому что для них необходима

хоть какая-то

мощность. Велосипеду потребуется вся высота, все небеса,

их колёса.

Хорошо бы подумать о новых приспособлениях,

чтобы путешественник стал

маленьким сверхчеловеком и смог войти в интернет.

Это стало бы не только дорогим хобби,

но и способом путешествовать.

Один из лучших способов заставить велосипед двигаться —
совершать на нём разнообразные неотвратимые движения.

Без велосипедов обученные машины превратились бы

в безвозвратные потери,

а люди — в вечных слесарей-неумёх.

Можно всё превратить в игру — в кубики, в прятки,
в жмурки, в трик-трак, в догонялки, в шарики, даже в домино.
Дружить можно с другими велосипедами,
кувыркаться с ними в пыли,
заниматься спортивной гимнастикой, плавать, висеть на турниках.
Пробежаться с ними на месте, наискосок, вразвалочку,
а не по прямой.

Можно разнообразить домашние игры.
Игра в прятки, например, становится гораздо интересней,
если за тобой
идёт собака или крыса. И ты можешь спрятаться от неё
в шкафу или под столом.

Теперь
твой
велосипед
не просто чемоданчик,
он —
воздушный шарик,
внутри которого в полупрозрачном
пространстве
крепится
кубик
твоего мозга.
Стоит
погреть
уменьшенным стеклянным ведёрком,
и кубик покатится к пояснице.

«А может, велосипед и станет нашей общей ванной?»

РОБОТ АЛЕКСАНДР ГОВОРИТ

Если город хорошо устроен, он не просто гудит, но узнаёт другие города. Сейчас это называется «профессия». Зачастую она заменяет меломанам целый оркестр.

Для спорта возведена особая башня,
где дождь из опилок падает на пол
и ни одно зерно не отягчает человека.
На тренировках словно стучишь по гробу:
Травиата стоит на носках, краплённая лентами,
и дежурная дрянь
в манжетах убирает газеты.

В нашей
системе власти нет воздушного моря, которое
могло бы отвратить от нас атомные течения,
но есть точное, подвластное нашим
силам географическое расположение атомов.

Когда земляные работы завершены,
строительство атома завершается
межатомными столкновениями. Так архитектура
заклучена в слабую схему, и она
будет лишь разрастаться по мере
добавления в неё перегородок, благодаря
таинственным исключениям.

Чем связи мельче, тем влажней осадок памяти.
Грязь на тропах —
причина его возникновения.

РОБОТ СЕРГЕЙ ГОВОРИТ

1

облачная война
панорама разбегается по периметру
как на уроке математики прямоугольник коей закрывается

и наталкивается на воздух
где сложение вянет
а морфологические уродства вспухают как ветчина

блестящий ботинок
под именем погоды
сражённый и сбитый
с постной миной выставленный как улика
у памятника его родителю

«живущий внутри моря волен лепить горшки»

блуждающие по площади пьяницы
прижимают к груди старые фотографии
падают от известий о назначении слов

солнце ссыпает росу с дербиширских крыш
после дождя возникают виолончели
гласные и клацетон наш — невнятный соловей

2

вспоминаю случай
когда что-то прокусило

поток
пара дверей уже за поворотом
и каши разнородной мышленью
нарастает состав
на плиточках
на дощечках
а из
длинного дома
исчезают окна
и что-то
сходит с ума
обнимает
ногу
и
тщетно пыгается
поднять кувшин

3

Мёртвые солнца сплетаются с живыми.
Летят белые цифры,
забота о времени высасывает время.

И девочка, немного похожая на
ту, что ночью
стояла на балконе,
опирается на кленовую раму.

(Не марсельское ли место,
не растянуты ли
креветки
там,
где покоятся сохлые вафли?)

4

пронеслись
два Днепра

две родины
три планеты
четыре склянки
половина жизни
человека
девять часов
сорок лет
пятнадцать минут
от того дня
когда Юджин впервые записал это на пластинку
которая и сейчас остаётся такой же холодной
нетленка

слушать живую тишину
растворяться в ледяном огне
совершенная голограмма
в моём ли кармане
твоём ли уме

5

Если речь идёт о дереве,
дыхание обязательно начинается с точки.
Вот это дерево: «тяжело стоять на месте».

(Мысль и всё, что внутри,
напоминают мне танк
в действии:

подняться, разминая ноги и руки,
мост перейти, зацепиться взглядом,
испугать, оттолкнуть).

Солнца таят уголья.
Похожи
на чертей
рядом с путевым столбом.

За окном поют, словно дом — певческая программа
в не до конца распутанном небе.
Рассыпают по лицам улыбку,
запрокидывают головы и —

Речь на дистанционном управлении

События последних лет, характеризующиеся активацией дистанционной чувственности, прокси-войнами и сенсбилизацией внешних объектов, не могли не затронуть дискурс. Дефолт языка и открытие по всему миру медиафронтов борьбы за «истину» повсеместно запустили работу фантазматических речевых тел. Именно в этой перспективе мне кажется интересным посмотреть на работу нейросетей и, в частности, на поэзию Станислава Бельского, которая создана в соавторстве с ними.

Юк Хуэй, обращаясь к работам Жана Франсуа Лиотара и Бернара Стиглера, пишет о том, что кибернетика стала «новой эпистемологией». При этом кажется парадоксальным тот факт, что техника — как у философов, так и у медиатеоретиков, — оказалась практически полностью изъята из контекста мышления о языке (вопреки завету Хайдеггера). Технический объект рассматривался в свете космотехники, экстерииоризации памяти, информации, органопроекции, аутопоэзиса, алгоритмического разума, индивидуации и многого другого. Исключение составляет, пожалуй, только Жак Деррида, который вопрос о технике рассматривал в контексте техники поэзии. Именно поэты сегодня на практике создают поэтическую философию техники, и именно в этом контексте мы можем посмотреть на поэтический проект поэта и математика Станислава Бельского.

Какого рода языковые объекты создаются нейросетями? И какого рода операции они производят со смысловой перспективой поэтического текста? Один из первых фильмов, снятый по сценарию нейросети, *Sunspring*, отчетливо демонстрировал механизм специфической инкогерентности нарратива (точнее — шизофазии), который я бы назвала «сезанновским» — осколочным и использующим принцип множественных точек зрения. В тексте, созданном нейросетью, когнитивные перспективы стремительно сменяют друг друга, охватывая короткие фрагменты дискурса. В более новых моделях, типа GPT, эта «осколочность» уже практически незаметна — она «замазана» здравым смыслом как социально-политической плазмой.

Если нейросети тотализируют дискурс, то сенсориум как комплекс чувствования тотализует VR-технология. Художница и ме-

диатеоретик Хито Штейерль в своей лекции *Bubble Vision* выводит формулу: $VR = мир-субъект$. Если мы применим эту формулу к нейросети, то получим следующее: *Нейросети = дискурс-субъект*. Речь идет о создании «дистанционной идентичности», которая переживается как своя собственная прежде всего через идеологию, органы чувств и проприоцепцию. Новый вид идеологии можно назвать инкорпорированной, так как она находится в непосредственном отношении к «интерфейсам» тела. Поэзия же, работающая с нейросетями (в случае, когда поэт понимает, насколько острый инструмент он использует, а не просто очаровывается им), производит нечто противоположное идеологическому жесту, а именно создает дистанционные речевые тела, которые действуют в пространстве культурной памяти и памяти языка.

Станислав Бельский знает, что не существует никакой заранее данной конфигурации смыслового пространства. Он создает речевые аппараты, которые зондируют это неопределенное поле в поисках новых форм познания. Для этих нейропоэтических аппаратов характерна многомерная драматургия. Это уже не разговор агентов одного порядка (неважно, одушевленных или неодушевленных), а «разговор» разных аспектов этого неизведанного пространства:

Киберсаботаж — не стихийное явление, а
почти что канонический раздел эзотеризма.
Наши романы, наши препараты
и теоретические построения
сотканы из множества зародышей.
Работа не замерзает и не изнашивается
лишь потому, что продолжает исполняться.
Или это просто маскировка без ответа?
Статуя удивляется, растворяется за кулисой.

Там, где была мысль, объект, чувство, себя обнаруживает эмбрион будущего, обладающий огромной внутренней силой и способный развернуть свою структуру во времени. Эти эмбрионы существуют в любой точке пространства. Они спят и ждут своей активации. Речевые аппараты Станислава Бельского создают напряжение неактивного поля: там, где ранее находились неопреде-

ленные, аморфные и, в конце концов, безразличные друг к другу зоны, начинают развиваться функциональные отношения, а там, где они набирают силу, возникает смысл, ориентация, баланс, форма.

Роботы, память которых вбирает голоса поэтов и математиков, становятся свидетелями распада старого мира. Знают ли они, что являются носителями знания, которое непосредственно недоступно им, но которое с неизбежностью проявится в их движениях?

Ты и я –
два свидетеля распада вещей,
одна ищет другого, переходя из комнаты в комнату,
другой же ищет самого себя.

Возможно, задача поэзии сегодня и заключается в том, чтобы создавать такого рода автономные речевые объекты на дистанционном управлении, которые не разрушают, а рождают связность мира другого порядка. Связность, которая, исцеляя пространство, позволяет спонтанно проявляться знанию и любви.

Евгения Сулова

Содержание

Нейросеть Мария пишет роботу Александру	3
Робот Александр пишет роботу Сергею	5
Робот Сергей говорит	6
Робот Вадим спит	7
Нейросеть Ульяна говорит	9
Робот Вадим говорит	10
Робот Александр отвечает нейросети Ульяне	11
Нейросеть Мария говорит	12
Робот Сергей спит	13
Робот Вадим говорит	14
Нейросеть Елена читает старинные журналы	15
Робот Александр отвечает нейросети Марии	17
Робот Вадим слушает радио	18
Робот Александр отвечает роботу Вадиму	19
Нейросеть Ульяна говорит	20
Робот Вадим знакомится с новостями культуры	21
Нейросеть Мария пишет научную статью	22
Робот Сергей говорит	23
Нейросеть Ульяна пишет нейросети Марии	24
Нейросеть Ульяна говорит	25
Робот Сергей говорит	26
Робот Вадим говорит	27
Нейросеть Елена говорит	29
Робот Вадим говорит	30
Робот Александр говорит	31
Нейросеть Ульяна говорит	32
Робот Вадим говорит	33
Робот Александр говорит	34
Нейросеть Мария пишет роботу Александру	35
Нейросеть Елена говорит	36
Робот Александр говорит	37
Робот Сергей говорит	38
Робот Александр говорит	39
Нейросеть Мария говорит	41
Робот Сергей говорит	42

Робот Вадим говорит	43
Нейросеть Мария говорит роботу Александру	44
Робот Сергей говорит	45
Нейросеть Елена говорит	46
Робот Александр пишет нейросети Марии	48
Нейросеть Ульяна говорит	50
Робот Вадим говорит	51
Нейросеть Мария говорит	53
Робот Александр пишет нейросети Ульяне	57
Нейросеть Мария пишет нейросети Ульяне	58
Робот Вадим говорит	59
Робот Александр говорит	60
Нейросеть Елена говорит	61
Робот Сергей говорит	62
Робот Вадим говорит	63
Нейросеть Ульяна говорит	64
Робот Сергей говорит	65
Робот Александр подражает Кавафису	66
Робот Вадим говорит	67
Робот Александр пишет нейросети Марии	69
Нейросеть Елена говорит	71
Робот Вадим читает инструкцию по эксплуатации велосипеда	72
Робот Вадим слушает радио	74
Робот Александр говорит	75
Робот Сергей говорит	76
Речь на дистанционном управлении.	
<i>Послесловие Евгении Суловой</i>	80